

18.9.98 Андрей ГОНЧАРОВ:

Общек. правда - 1998 - 18 сентя - 972

Главное — сохранять достоинство

Нечасто наши театральные «звезды» сами изъявляют желание побеседовать с журналистом. (Я имею в виду настоящих ЗВЕЗД, а не тех «светлячков», что готовы засветиться, где и как угодно, лишь бы их имя лишний раз попало на газетную полосу.) Поэтому с особой радостью поспешила в Боринку, где отдыхал художественный руководитель Театра им. Вл. Маяковского Андрей Александрович Гончаров. Театральный сезон 1997/98 гг. был отмечен его юбилеями — 60 лет творческой и педагогической деятельности, 30 лет руководстве Театром им. Маяковского. В январе был осуществлен премьерный по-молодому яркий, задорный, построенный на контрастах комедийный спектакль «Как вам это понравится?», на своей лод перемановив комедии Шекспира «Как вам это понравится». Вопрос в названии был явно обращен к зрителям. И они ответили весьма утвердительно полными залами, «проголосовав ногами» за спектакль.

Тем не менее на свой юбилей, на 75-летие театра Гончаров и труппа в прошедшем сезоне публично отмечать не стали. Слишком переиспещен был год юбилеями.

Наталья БАЛАНОВА

...Когда-то цеховская неприступно-недоступная простому смертному лечебно-санитарная Баррикада встретилась как с Тамарой Брагилаской, помешанной художественного руководителя поллит, части, покоем, почти безлюдом. Машина остановилась у самого корпуса, двери гостеприимно раскрылись, лифт доставил на верхний этаж. Уютная комната с балконом, почти домашняя обстановка, веселый, улыбающийся Андрей Александрович — энергия, как всегда, бьет через край.

— Чая, кофе! Хотите что-нибудь перекусить? Наверное, годолды с дороги! — Андрей Александрович как любезнейший хозяин приглашает к столу с фруктами, сладостями, какой-то снечью.

— Да нет уж, спасибо. Давайте сначала поговорим, а потом можно и кофе.

— Ну, что ж, как бы только найти форму непосредственного разговора, чтобы сохранить стилистику своих намерений, своих желаний, а не превратить разговор в кислую, исповедальную историю. Важно, чтобы тебя узнавали даже в таком солидном возрасте. — И Гончаров совсем по-молодому заразительно смеется.

— Как стало известно, пропустил год премьерный, вы собираетесь отмечать и свой, и традиционный юбилей в нынешнем сезоне. Вот с этого давайте и начнем.

— Ну, что ж, если говорить о юбилее, то хочется вспомнить стихотворение Маяковского «Не юбилейте!» И мы довольно долго крепилась, «не юбилейте» в силу того, что год был уж очень переполнен разного рода юбилеями, фестивалями и прочими событиями такого рода, не хотелось вписываться в общий поток. А теперь, когда остался только Художественный театр со своим 100-летним и мы, можно об этом подумать. Как даже наши постоянные зрители, а их немало, спрашивают: почему не отмечаем юбилей?

Наш театр основал Всеволод Мейерхольд, поставив на его открытие абсолютно реалистический, кстати сказать, спектакль «Доходное место» Островского. Здесь работали великие русские мастера режиссуры Попов, Дикин, Лобанов. А это непосредственные ученики Константина Сергеевича Станиславского. В нашем театре, ношившем ранее имя Театра Революции, играли тоже великие артисты. Их тени и сегодня живут в его стенах. Вот перед ними — своими родоначальниками — мы и должны считаться, а мы и

делаем. Пройти по этапам своей истории. Сегодня ведь не так уж много осталось истинно русских национальных театров, сохраняющих традиции психологического театра. Да само это понятие почему-то превратилось в ругательное слово. Откуда, почему? Я имею право так говорить, потому что видел второе поколение мхатовцев — Добровольца, Андреевскую, Соколову, Комиссарова, Тарасову, Хмелева, Кудрявцева... Это был цветник! То поколение уже ушло. Но как ушел! Помимо последнего спектакля «Соло для часов с боями», который прощались с нами та команда, говоря современным языком. Это было поразительно. Никогда не обменяю я своих учителей — Алексея Дмитриевича Попова, Андрея Михайловича Лобанова, Николая Михайловича Горькова — на представителей «новых тенденций» современного театра.

Сегодня у театра появилось огромное количество конкурентов: эстрада, телевидение, радио. Однако же у нас нет главного качества психологического театра — исповедальности во взаимоотношениях со зрительным залом, сопереживания. Психологический театр предполагает участие человека во всей полноте его возможности. Человек, Артист — главное действующее лицо. Это не значит, что психологическому театру не надо искать новых путей. Надо, но в том же фарватере. А ныне уж слишком много появляется всяческих закулисов, историков, если к ним прикладывается поименный список, заканчивается тупиком. Ну и пусть себе существуют. Но театр только тогда театр, когда он выше зрелища. А многие спектакли разных эмигрантов, которых мы достойно смотрелись на всяческих фестивалях, сильно напоминают мне футбол — ведь футбол тоже зрелище.

Сегодня еще большую роль в театральном процессе стала играть антреприза. По принципу «звездности» набирается группа актеров из разных театров, разных школ, и складывается спектакль. Актеры нашего театра тоже участвуют в таких разовых постановках. Выше ли мы различим в их игре, когда после антрепризной гастроли они возвращаются на родную сцену!

Еще как охушало! Придется сидеть с ним, то они зарабатывали в этих антрепризах. Срывает! Потому что актер легко поддается такой тенденции. А что прикажете делать! Им там за одну репетицию платят столько же, сколько у нас за месяц. Но никакой такой сильной антрепризер, приглашая самых великих звезд, еще не достигал той вершины ансамб-

левой, непопулярной эстетики, которую дает триада школа — студия — театр, присутствия нашей отечественной сцены. Я никогда не забуду, как заведомо нам с Тосканом, когда мы были в Америке. Заведомо возможности иметь стационарные, репертурные театры. А там — кругом антрепризы: сыграли и разбежались.

Случается, что и из нашей труппы кто-то уходит совсем в антрепризу. Рассветаем подоброму. Только жизнь не чаще всего не складывается. В этом театре, в этом доме заработали они то, чем могут гордиться и чем пока еще жмем. К сожалению, и это уходит со временем.

— Андрей Александрович, с каким репертуром, с какими новыми работами готовитесь вы встретить свои юбилейные торжества? Чем будете удивлять мир, как любил вопрошать своих учеников Алексей Дикин?

— Мы с гордостью можем смотреть на свою репертурную афишу. Редко позволяли себе что-то из драматургии второго сорта. Очень много представлено у нас классика: Лес Толстой и Алексей Толстой, Львов, Островский, Шекспир. С открытием сезона выступил спектакль нашего автора Григория Горина «Чума на оба ваших дома», представляющий собой как бы продолжение темы «Ромео и Джульетты», но в несколько ином жанре. Когда вражда, унесшая в могилу штирсовского героя, уже становится просто бытовым чужим, ничем не оправданной глупостью. Постановка нашего режиссера Татьяны Абрамчиков. В спектакле заняты Светлана Немоляева, Алла Багдасарян, Александр Волков, Эмиль Витторган и молодые Анна Ардова и Анатолий Лобочкин. На сцене нашего филиала режиссер Юрий Ифеев выступил с постановкой Лесюна Андреева, последнюю пьесу драматурга. Совершенно заново я буду ставить «Детей Ванюшиных» Сергея Майенкова. 25 лет тому назад роль Ванюши замечательно сыграл мой ученик Евгений Леонов. В новой постановке эту роль играет Роман Мадюнов. В 1901 году, когда пьеса была написана, ее играли как мелодраму. А сегодня в ней нужно говорить прежде всего о развале русского дома. Тогда она принадлежала к мхатовскому. С новыми русскими это уже трагический фарс. Ванюши — бакалейщик. У нас на занавесе будет вывеска «Продажа различных мужей». Вывеска, казалось бы, относящаяся к бакалейной торговле. Но в нашем спектакле это метафора. Не о муже, а о муже человеческих пойдут в нем речь. Когда же брады правле-

ния возмает в свои руки старший сын Ванюшин, та же вывеска появится уже на английском языке. Как нынче по всем магазинам у нас на Тверской.

На финальной сцене молодой режиссер Тимофей Сопов выступит мюзикл «Человек из Ламанчи», тоже с молодежью, как и «Собачий ящик», юными выпускниками по Академии театрального искусства. Очень хочется, чтобы и этот спектакль прозвучал совершенно по-новому. Как героическая комедия. Я убежден, что Дон Кихот вовсе не большой старик со странностями. Он-то как раз нормальный. Это вокруг него все ненормально.

Старые театралы хорошо помнят высшего прежнего «Человека из Ламанчи». Вы же ставили его тоже как героический спектакль. Очень зрелищный и красивый. С молодыми тогда Александром Лазаревым, Евгением Леоновым, Татьяной Дорожиной.

— А сегодняшний спектакль будет сыгран совсем юными современными девочками и мальчиками. Но они «добры», новенько увлеченно ищут и сочувствуют Дон Кихоту.

— И что же, в них нет ни грамма сенилизма, которым буквально пронизана современная молодежь?

— А у меня ведь не разгуляешься, — и в глазах у Гончарова заиграли голубые чертняки, взгляд стал мгновенно вызывающе несмешливым. — Ой, конечно, ныне, как раньше, уже не говорю о моем поколении. Но я все-таки надеюсь, что сумею привлечь им любовь к тем ценностям, которые не утратят в человеке. Молодые люди сегодня очень закрытые. Это идет от чувства самосохранения. А что требуется от актера? Способности в действиях и чувствованиях реализовывать информацию, получаемую извне. Так определял профессию актера Мейерхольд. Возбудимость и восприятие — два главных качества актера. При этом очень важно, что отдает актер, какая энергетика идет от него в зрительный зал. Я уверен в своих ребятах.

На этом спектакле зрительный зал один спектакль. Как бы помните, по сюжету в «Человеке из Ламанчи» Сервантес, находясь в тюрьме, читает своего «Дон Кихота» уполномоченным. А у

нас зрители, сидя в зал, будут попадать в тюремную камеру. Препятствия в дверях биатик, и — за решетку. Меня на этот раз выгнали подлинно одно воспоминание. В финале прежнего спектакля заключенные, провозажа худощавого Сервантеса, заставили на тюремную решетку, ткнули к нему рукой. «А зачем у вас в спектакле клетка?» — вопрошал меня тогда некий «сэр» Кардинал городского отдела культуры. «Так ведь действие происходит в тюрьме», — отвечал я ему. «Не-е-е, вы не то имели в виду, — ткнул он, вода пальцем перед моим носом. — Зачем решетка? Так вот теперь решетка у меня будет в зале!»

Вот так, в работе, с трепетом жду я наш 75-летний традиционный юбилей. Очень не хочется, чтобы получилось подобное тому, что довелось видеть во многих очень потешных, хороших театрах. Будем пытаться сделать что-то с выдумкой, а не просто очередной «капустник». Достоинства не надо терять, уважения к себе. Чтобы тебя, твой творческий пошарк люди узнавали. А то приходишь иногда на свой собственный старый спектакль, смотришь, а его уже все по частям растащили. А ты-то где? Андрей Александрович задается вопросом. — Тебя-то там уже нет. Вот такая история.

Андрей Александрович замолчал и тут же спохватился: «Давайте пить чай, кофе, что-то хочет. Вон там на столе какая-то закуска, берите, берите». Но не успели мы выпить по чашке кофе, как в дверях возникла целая группа очередных посетителей — постановочная часть «Детей Ванюшиных» во главе с режиссером Юрием Ифеем и художником Борисом Блажком. Мгновенно на письменном столе был развернут ватманский лист с разметкой декораций на планшетнике, Гончаров перемещал в кресло у стола, и закинула работа. Посыпался с его стороны вопросы, художник и режиссер давали пояснения, то и дело вступали в разговор остальные участники группы. Санаторный день хурдука живо пролетел: перешли на напряженный рабочий вечер. Не отрывая Андрея Александровича от сценарнографических проблем, мы с Тамарой той, по-английски, улыбались. Гончаров, кажется, этого даже не заметил. Фото Татьяны КИСИЧУК